

На правах рукописи

аль-Рахби Ахмед Мухаммед Нассер

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РУССКОГО И АРАБСКОГО ДИСКУРСА НА ТЕМУ:
НЕСТАБИЛЬНОСТЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

**Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва-2009

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Научный руководитель:

академик РАЕН,

доктор филологических наук, профессор Шаклеин Виктор Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Боженкова Наталья Александровна
Курский государственный технический университет

кандидат филологических наук, доцент Новикова Александра Михайловна
Российский университет дружбы народов

Ведущая организация:

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД РФ

Защита диссертации состоится 30 октября 2009 года в 15.00 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.12
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) РУДН.

Автореферат диссертации размещен на сайте РУДН www.rudn.ru.

Автореферат диссертации разослан 29 сентября 2009 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат филологических наук,

доцент

Н.Ю. Нелюбова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621560

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

XX-ый век и начало XXI-го стали исключительно динамичной эпохой в истории человеческой цивилизации. Прошедшее столетие ознаменовало торжество интеллекта, бурное развитие техники, прорыв за привычные границы искусства и многообразие культурных течений. Но вместе с тем оно принесло быструю смену общественных систем, социальные потрясения, многочисленные конфликты и кризисы, породившие специфическое состояние социальной реальности – нестабильность¹.

Одной из наиболее масштабных, затянувшихся и острых кризисных ситуаций следует признать исследуемую в данной работе нестабильность на Ближнем Востоке.

Исследование нестабильности как знака, под которым проходит жизнь современного человека, привлекает внимание ряда гуманитарных наук, в том числе филологических, так как смыслы, ценностные и целевые ориентиры человека, поставленного в условия нестабильности, оказываются до основания потрясенными, что отражается на акте коммуникации и имеет определенные следствия языкового плана в продуцируемом тексте. По этой теме накопилось достаточно много фактографического материала, требующего осмысления в различных аспектах.

Интерес к изучению текстовых материалов, отражающих нестабильную социальную реальность, лежит в нескольких плоскостях знания. Во-первых, он обуславливается внутренними потребностями лингвистической теории, которая обращается к реальным сферам функционирования языковой системы и анализирует средства выражения определенных смыслов, в данном случае – способы и средства выражения нестабильности в современном русском языке. Во-вторых, проблемами изучения социологического мышления, необходимостью построения предсказывающих моделей в этой области знания, а также необходимостью разработки методов анализа текстов СМИ для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания и др.

Актуальность рассмотрения ситуации нестабильности с лингвокультурологических позиций объясняется рядом причин. Во-первых, это объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук и необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (психология, социология, этнография, культурология, политология и т.д.). Во-вторых, это стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов при решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания.

¹ В настоящей работе лингвокультурологической направленности под нестабильностью, применяя данное определение к социальным системам и обществам как носителям определенного языка и культуры, понимается критическое, переходное состояние, когда одна социальная реальность сменяется другой.

Исследование на уровне такой коммуникативной единицы, как дискурс² отвечает одному из активно развивающихся направлений лингвистики, которая в целом отличается дискурсивизацией, а именно:

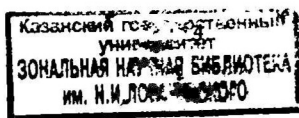
- опорой на дискурсивную практику человека;
- исходной посылкой об укорененности всех ментальных процессов в этой практике;
- учетом ее конститутивной роли в обществе и культуре;
- пониманием дискурсивности властных отношений, идеологической направленности дискурса, его историчности;
- рассмотрением дискурса как формы социального действия;
- анализом дискурса как структуры и процесса одновременно;
- интеракционным подходом к анализу речи, т.е. рассмотрением ее как социального взаимодействия, или интеракции – т.е. диалога.

Разработка данной проблемы на материале переводных текстов связана с возросшей активизацией переводческой деятельности, поставившей вопросы как лингвистического сопоставительного, так и лингвокультурологического характера. В полной мере, на наш взгляд, это касается русскоязычного дискурса, отражающего нестабильность на Ближнем Востоке, источниками для которого в связи с тематикой часто служат арабоязычные издания.

Проблема исследования. Оформление дискурсивного анализа как дисциплины относится к 1970-м годам. В это время были опубликованы важные работы европейской школы лингвистики текста (Т. Ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи и др.) и основополагающие американские работы, связывающие дискурсивные изыскания с более традиционной лингвистической тематикой (У. Лабов, Дж. Граймс, Р. Лонгейкр, Т. Гивон, У. Чейф). К 1980-1990-м годам относится появление обобщающих трудов, справочников и учебных пособий – таких, как «Дискурсивный анализ» (Дж. Браун, Дж. Юл), «Структуры социального действия: исследования по анализу бытового диалога» (редакторы – Дж. Аткинсон и Дж. Херитидж), четырехтомный «Справочник по дискурсивному анализу» (под редакцией Т. ван Дейка), «Описание дискурса» (под редакцией С. Томпсон и У. Манн), «Транскрипция дискурса» (Дж. Дюбуа), «Дискурсивные исследования» (Я. Ренкема), «Подходы к дискурсу» (Д. Шиффрин), «Дискурс, сознание и время» (У. Чейф), двухтомный труд «Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение» (под редакцией Т. ван Дейка).

Российская лингвокультурология также располагает опытом описания дискурса. В русистике дискурсивные явления (без употребления данной терминологии) активно исследовались в 1970-1980 гг. (Е.А. Земская, Б.М. Гаспаров, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротина). Значительные успехи в

² В различных определениях дискурс есть «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» (Арутюнова 1988:136); коммуникативное событие, порождающее текст, (Чернявская 2004:106); «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (Петров 1989:8).

исследовании структур и организации дискурса достигнуты в работах представителей Тверской семантико-прагматической школы (В.И. Карасик, М.Л. Макаров). Весьма изученным представляется русскоязычный политический и социальный дискурсы (А.П. Чудинов, С.В. Иванова и др.).

Нестабильность как характеристика современной реальности привлекает внимание российских и зарубежных исследователей различных областей знания. Нестабильности и близким ей понятиям (беспорядок, кризис, хаос) посвящены отдельные исследования по социальной философии, политологии, социологии и психологии (Л.Е. Бляхер, З. Видоевич, А.А. Давыдов, Ю.М. Лотман, В.С. Степин и др.). Отдельно надо выделить работы Л.А. Паутовой (2004, 2006) по исследованию представлений о стабильности с применением методов дискурсивного анализа, ассоциативного метода и методов выявления эмоциональной доминанты. Однако в лингвистической и лингвокультурологической литературе взятый нами для исследования вопрос еще не рассматривался. Хотя феномен нестабильности и получает вариативное обозначение в русском языке, работы по описанию дискурса нестабильности на Ближнем Востоке отсутствуют. Отсутствует и анализ текстов данной тематики, переведенных с арабского, в которых отражаются разноуровневые типологические особенности языков, задействованных в переводе, и прослеживается влияние арабоязычного дискурса на формирование соответствующего ему дискурса на русском языке.

В сопоставительном языкознании наиболее разработана контрастивная грамматика, достаточно много работ по сопоставительной лексикологии, есть работы по контрастивной фонологии и даже по сопоставительной стилистике текста. Что же касается дискурса, то сопоставительное дискурсоведение, попытка которого предпринимается в данной работе, находится в стадии формирования.

Гипотеза исследования заключается в идее о том, что дискурс нестабильности на Ближнем Востоке имеет функциональные и языковые особенности, а также обладает специфичной лингвокультурологической сущностью – понятийными, ценностными и образными характеристиками. При этом данный дискурс вследствие объективных причин испытывает влияние арабоязычного дискурса нестабильности.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является комплексное лингвокультурологическое (лингвистическое и образное) описание актуального сегодня русскоязычного дискурса нестабильности на Ближнем Востоке. Цель исследования потребовала последовательного решения следующих задач:

- провести анализ прагматических установок и языковых факторов осуществления дискурса нестабильности;
- исследовать лингвистические и образные механизмы описания дискурса нестабильности на Ближнем Востоке;
- выявить новые лингвокультурные смыслы в пространстве дискурса нестабильности на Ближнем Востоке;
- установить степень и характер влияния на данный дискурс соответствующего дискурса на арабском языке;

- описать методологические основы отражения дискурса нестабильности при переводе с арабского языка на русский;
- установить трансформирующее и интерферирующее влияние соответствующего арабского дискурса.

Объект исследования – представляющий дискурс нестабильности на Ближнем Востоке корпус переводных русскоязычных текстов.

Предмет исследования – механизмы отражения дискурса нестабильности в текстах, переведенных с арабского языка на русский.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили:

- работы российских и зарубежных ученых с философским, социальным и психологическим подходами к пониманию дискурса нестабильности (М.М. Бахтин, Л.Е. Бляхер, А.А. Лосев и др.);

- литература по общей и русской лингвистике, лингвистике текста, психолингвистике, лингвокультурологии (В.В. Воробьев, И.Р. Гальперин, О.И. Глазунова, В.С. Григорьева, Ю.Н. Караулов, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Я.И. Рецкер, Ю.С. Степанов, В.Э. Шагал, В.М. Шаклеин, А.Д. Швейцер и др.) и в частности модели анализа различных типов дискурса (С.В. Иванова, А.П. Чудинов и др.);

- основополагающие труды по общей и частной теории перевода и отдельных аспектов этой деятельности (И.С. Алексеева, Л.С. Бархударов, С.Н. Боднар, А.Л. Бурак, В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Л. Милдред, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.А. Рушаков, Н.Д. Финкельберг и др.), которые можно разделить на три группы:

- 1) работы, в которых положения общего, типологического и сопоставительного языкознания используются для обоснования теории и практики перевода (В. Гумбольдт, Л. Ельмслев, Ф. де Соссюр, Б.Л. Уорф, Ю.Ю. Дешериева и др.);

- 2) работы, в которых показывается преломление общелингвистической, общесемиотической и психолингвистической проблематики в переводе как в особом виде речевой деятельности;

- 3) наименее малочисленные, но ценные для настоящего исследования статьи, диссертации, монографии, в которых сами переводы обоснованно используются для лингвистических и лингвокультурологических исследований.

Научная новизна исследования. В диссертации исследована организация русскоязычного дискурса нестабильности и выявлены языковые средства, составляющие его функциональную специфику, в том числе как перевода с неродственного языка. Впервые лингвокультурологическое отражение дискурса нестабильности на Ближнем Востоке рассмотрено на материале переводных текстов.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном применении в нем методов описательной и сопоставительной лингвистики. В ходе написания исследования:

- введено понятие дискурса нестабильности;

- обобщены современные методы дискурсивного анализа и описаны методологические основы отражения дискурса нестабильности;

- раскрыта лингвокультурологическая сущность дискурса в плане его содержания, прагматики, структуры и как следствие наполняющих его языковых единиц и выразительных средств;

- дополнено понятие персевада как деятельности, которая вскрывает характерные межъязыковые расхождения и помогает выявить лингвокультурологические составляющие, ускользающие при использовании иных методов исследования;

- актуализирована проблема понимания текста, переведенного с арабского языка, русскоязычным получателем и поставлен вопрос о подязыке перевода с арабского;

- обобщена проблематика персевада с арабского языка на русский, что позволяет выработать эталон, по которому можно оценивать перевод и создавать для него новые правила частного арабско-русского перевода.

На современном этапе развития научного знания исследования, посвященные анализу переводных дискурсов, играют особую роль. Они способствуют более глубокому пониманию функционирования языковых средств в речевой деятельности, обогащают научную картину речемыслительных процессов и пополняют данные типологической и сопоставительной лингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в нем:

- выявлены и описаны разноуровневые лингвистические (лексические и синтаксические), в том числе экспрессивные (стилистические и образные) средства, формирующие современный русскоязычный дискурс нестабильности на Ближнем Востоке;

- комплексом методов (опрос, анализ корпуса текстов, в том числе с параллельным переводом, и опыт переводческой деятельности) устанавливаются особенности переведенных с арабского на русский текстов, отличающие их от оригинальных, созданных на русском языке;

Результаты работы могут служить оптимизации практической деятельности переводчиков, а также дают практические знания, повышающие уровень профессиональной компетенции журналистов.

Установленные лингвистические и лингвокультурологические арабо-русские соответствия или несоответствия рекомендуется включать в лексикографическую практику и справочники для профессиональных переводчиков.

Результаты работы ориентированы также на использование в спецкурсах по лингвистике текста, лингвокультурологии, социолингвистике и сравнительному языкознанию.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки различных языковых единиц, отражающих нестабильность, из текстов российской ближневосточной периодики, переводных электронных изданий, размещенных на

сайте www.inosmi.ru³, документальных («Ближний Восток: путь к миру и согласию» Фареса Исама) и публицистических произведений («Принятие другого» Миляда Ханны и «Форсирование Суэцкого канала» Саада Шазли), затрагивающих ситуацию нестабильности на Ближнем Востоке. В качестве единиц языкового воплощения дискурса нестабильности были приняты лексические, фразеологические, метафорические модели и синтаксические единицы, отражающие различные стороны явления нестабильности. Общий объем – порядка полутора тысяч употреблений.

Исследование проводилось поэтапно.

На первом этапе (2006г.) была поставлена цель, определены задачи диссертации и разработана рабочая гипотеза. Работа проводилась в двух направлениях:

1) выбор и анализ фактического языкового материала;

2) изучение фундаментальной лингвистической и лингвокультурологической литературы по проблеме исследования с целью определить достижения в выбранной области, изучить существующие точки зрения на проблему, определить перспективы работы.

На втором этапе (2007 г.) изучались механизмы отражения дискурса нестабильности на Ближнем Востоке в русскоязычных текстах.

На третьем этапе (2008 г.) проходила апробация результатов исследования, осуществлялось редактирование и оформление текста диссертации.

Методология диссертационного исследования основывается на общеприятных принципах, в соответствии с которыми язык представляется как материальная, объективная, динамическая, функционирующая и развивающаяся система. **Методы исследования** традиционны для российской науки и нацелены на решение наиболее насущных проблем современного перевода, сопоставительного языкознания и лингвокультурологии. В работе использовался комплекс приемов лингвистического анализа и в первую очередь метод научного описания, ключевыми компонентами которого являются наблюдение, обобщение, классификация и систематизация материала с опорой на соответствующую теорию. Поставленные задачи предопределили также использование таких методов, как метод общенаучного понятийного моделирования, интерпретативный анализ, метод сопоставительного и контекстуального анализа. В экспериментальной части диссертационной работы применялся метод опроса информантов.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается достаточным объемом проанализированного материала (порядка полутора тысяч употреблений), большим количеством теоретической литературы

³ Переводной материал, по словам авторов сайта, используется ведущими российскими СМИ. Дизайн и навигационные особенности сайта также свидетельствуют о том, что это качественный сайт, который пользуется услугами ряда высококвалифицированных переводчиков, что позволило нам рассматривать этот материал в качестве объекта лингвистического исследования.

(библиографический список насчитывает более 230 наименований), а также личным журналистским и переводческим опытом диссертанта.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения исследования и полученные практические рекомендации излагались в форме докладов на следующих конференциях: Научно-методическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (г. Москва, 2006 г.); Международная научно-практическая конференция «Молодежный информационный форум «Кольцо Евразии» (г. Москва, 2006 г.); Научно-методическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (г. Москва, 2007 г.); Научно-методическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (г. Москва, 2009 г.).

Положения, выносимые на защиту:

1. За последнее время чрезвычайную актуальность приобрел широко обсуждаемый дискурс нестабильности, понимаемый как сумма речевых произведений, в содержании которых осмысливается нестабильное состояние социальной реальности. По этой теме накопился достаточный объем фактологического языкового материала, требующего исследования с различных позиций, в том числе лингвистики и лингвокультурологии.

2. Рассматриваемый формирующийся в основном как перевод дискурс нестабильности обладает определенными лингвокультурологическими (лингвистическими и образными) особенностями как следствие влияния соответствующего арабоязычного дискурса.

3. В переводном дискурсе имеются универсальные и идиотнические особенности. Если первое обеспечивает понимание дискурса и возможность его перевода из одной языковой системы в другую, то последнее дает основание для сопоставления дискурсов в различных лингвокультурах.

4. При отражении одних аспектов переводчик ориентируется на нормы создания дискурса на родном языке, подвергая исходный текст переработке. В других случаях механизмы отражения таковы, что иноязычный дискурс оказывает влияние на процесс создания текста перевода и расширяет коммуникативные возможности языка перевода, в данном случае – русского.

Структура и объем диссертации. Тема и поставленные задачи определили структуру диссертации, которая состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 230 наименований источников научной литературы на русском и иностранных языках. Общий объем диссертации составил 165 страниц печатного текста.

По теме диссертационного исследования опубликовано 5 работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект и предмет исследования, формулируется гипотеза, ставятся цель и задачи, указываются методы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая

и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Методологические основы описания дискурса, отражающего нестабильность» представляет собой научно-теоретическую базу выполненного исследования. В главе вырабатывается рабочее определение нестабильности, выражение которой в русском языке анализируется в третьей главе, и рассматривается дискурс как качество, в котором сложный феномен нестабильности получает наиболее глубокое лингвокультурологическое описание.

Первый параграф главы «Понятие дискурса нестабильности» посвящен категории нестабильности, ставшей в последнее время часто обсуждаемой на разных уровнях и в разной связи тем. Учеными гуманитарных отраслей знания современная реальность с недавнего времени стала осмысляться в терминах, близких к нестабильности, синонимичных ей или «покрываемых» ею, как «разрыв», «разлом», «хаос», «кризис» и т.д. В ряде научных изысканий по современной философии и социальной теории укоренился образ нецелостного, децентрализованного и непредсказуемого мира (Ю.М. Лотман, Л.Е. Бляхер, З. Видоевич, А.А. Давыдов, О.П. Мелехова, А.С. Панарин, Б.В. Петухов, В.С. Степин и др.), в частности был введен термин «предкризисного человека», называющий целостный социально-психологический синдром (А.П. Назаретян).

Применительно к социальным системам и обществам как носителям определенного языка и культуры нестабильность следует понимать как специфическое состояние социальной реальности между двумя устойчивыми системами, когда одна из них уже разрушена, а другая еще не создана; как критическое, переходное состояние, когда одна социальная реальность сменяется другой. При этом в обиходном понимании нестабильность связывается с нарушением норм привычной жизни, социальными потрясениями, переменами к худшему, переходным периодом и пр. [Паутова 2006: 44].

Нестабильность социальной реальности имеет свою специфику: ее отличает как глобальный (ею охватываются практически все сферы жизни и явления разного порядка: военного, политического, экономического, социального, культурного и психологического), так и затяжной характер.

Нестабильное состояние социальной реальности может существенно менять содержание, каналы и коды коммуникации, но не ликвидирует коммуникацию как проявление социальности. Напротив, в условиях нестабильности обществу как целому присущи черты несогласованности его частей, и человек стремится восстановить утрачиваемые социальные связи, преодолеть разобщенность, вступить в коммуникацию с окружающими и с помощью языка осмыслить ситуацию, с тем чтобы ее пережить. Коммуникация в условиях нестабильности становится специфическим пространством, в котором актуализируется, является сознанию и осмысляется социум.

В условиях нестабильной социальной реальности человек осознает ситуацию как критическую и переживает ее эмоционально и мироотношенчески. В таких условиях смыслы, ценности и целевые установки человека оказываются до основания потрясенными. Поведенческие стандарты, нормы, образцы, ориентирующие деятельность людей, сохраняя свою мотивационно-

ориентационную функцию, утрачивают былые основания и значения. При этом возникают принципиально новые виды связей, существование которых ничем не предопределялось, новые социальные смыслы, идеи и т.д.

Суммой речевых произведений, в содержании которых осмысливается нестабильное состояние социальной реальности, отражается конкретная тематика коммуникации, сценарии, стереотипы, а следовательно, активизируется своеобразный тезаурус, определенные грамматические модели и образные средства, формирующие дискурс нестабильности.

В рамках исследования лингвистической и лингвокультурологической направленности наиболее актуальны оказываются подходы к пониманию дискурса, представленные в следующих определениях: «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1988: 136], «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Петров 1989: 8] и некоторых других.

Изученные в ходе работы методы анализа дискурса, как было установлено, соотносятся между собой не по принципу оппозиции или альтернативности, а по принципу акцентуации или фокусировки. Поэтому эффективный анализ дискурса ориентирован прежде всего на изучение лингвистического уровня коммуникации как доминирующего на протяжении всего исторического развития общества и культуры. Однако дискурс должен рассматриваться в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель дискурса пройдут незамеченными, равно как социокультурная и лингвокультурная ситуации.

Во втором параграфе главы «Лингвокультурологическая сущность дискурса нестабильности» выявляется, на каких уровнях и какие средства дискурса обладают лингвокультурологической ценностью, описываются методы их анализа.

Речевая деятельность и создаваемый в процессе нее дискурс несут на себе лингвокультурный отпечаток (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, В. фон Гумбольдт, М. Фуко). При этом культурно маркированным оказываются в коммуникации экстралингвистические, паралингвистические и собственно лингвистические компоненты дискурса. Тот факт, что дискурс является своеобразной проекцией культурного пространства, имеет целый ряд следствий в плане содержания, особенностей структуры и языкового наполнения текста.

Культурная специфика в плане содержания выражается в первую очередь в тематике обсуждаемых материалов в рамках национального языкового дискурса и в иерархии тематических структур текста. Тематика текстов и их внутреннее структурирование обусловлены социальными факторами, с одной стороны, но, с другой, испытывают влияние культурных традиций, что объясняет существование предпочтительных или, наоборот, табуированных тем для обсуждения в том или ином обществе. Так, например, в арабском обществе непринято широкое обсуждение вопросов, связанных с семейными проблемами, отношениями между мужчиной и женщиной. А тематика текстов по проблемам Ближнего Востока

построена так, что на первый план выходят тематизмы разобщенности арабской нации, ее неспособности преодолеть кризис, наличия внешних заинтересованных в данной ситуации сил и т.д., нежели конструктивные тематизмы. Национально-культурной составляющей в содержании дискурса можно назвать также стереотипы-представления, например о государстве Израиль как о милитаристской машине, или об арабских странах, как о близких родственниках и др.

Относительно структурной организации текста исследователи подчеркивают, что она последовательно отражает тенденцию к сохранению стандарта, установившегося в том или ином лингвокультурном сообществе. Так, по мнению Т.А. ван Дейка, структура дискурса не имеет произвольного характера, а является результатом сложившейся в определенных институционалистских условиях социальной практики [1989: 230]. Следовательно, можно говорить о структуре дискурса как культурно детерминированной сущности. Так для арабского дискурса в качестве связующего звена в структуре текста характерны риторические вопросы.

Безусловно, культурологическая маркированность текстов как следствие проявляется в выборе используемых языковых средств. Лингвокультурная специфика реализуется в семантике, синтактике и прагматике языкового знака. Таким образом, создается культуруносное полотно текста, которое предполагает дополнительный квант информации. Так, на фоне русской культуры, арабский концепт *холод* несет также значение *мир, спокойствие, удовлетворение*, поэтому метафорические модели, построенные на основе данного концепта, служат для описания желаемого окончания ситуации нестабильности либо облегчения: ... *арабо-израильскому конфликту нужен период охлаждения страстей...*

Таким образом, в измерениях дискурса имеются универсальные и идиостнические особенности. Если первое обеспечивает понимание дискурса и возможность его перевода из одной языковой системы в другую, то последнее дает основание для сопоставления дискурсов в различных лингвокультурах и ставит вопрос о механизмах их адекватного перевода.

Третий параграф первой главы «Актуализация проблемы возможных миров как основа отражения дискурса нестабильности» затрагивает проблему мыслимого состояния бытия как вероятного положения дел. Субъективно-объективное видение мира присуще человеческой природе и вполне естественно. Мысль человека способна выходить за пределы сущего и рисовать картины, которые можно квалифицировать как «нереальность реального», обращаться к задачам, имеющим альтернативные варианты решения, выражать сомнения по поводу реализации тех или иных действий и просто мечтать. Для человека характерно не только осмысление наличной действительности, но и фиксация состояний бытия, альтернативных существующим, за которыми в философской науке закрепилось название «возможные миры» (Г.В. Лейбниц, Я. Хинтика, С. Крипке, Ю.С. Степанов, А.П. Бабушкин и др.).

В основном дискурс концентрируется вокруг ментального образования – некоторого опорного концепта, задающего общий контекст и описывающего действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п. Дискурс

определяется не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который строится по ходу развертывания дискурса, поэтому эффективным будет рассматривать его в качестве одного из возможных миров, анализируя соответствующие средства их выражения.

Возможные миры отражаются в виде групп языковой модальности – оценки высказывания, определенного отношения к нему и др., а также реализуются в сравнениях, формируемых в составе придаточных сравнительных предложений, аналогиях, альтернативах, предписываемых действиях. Непрямая референция в языке, являясь единственным способом намекнуть на недоступное схватыванию, на постоянно ускользающее, метафора – все это образует семантику возможных миров.

Методика лингвистического анализа слов, граничащих с возможными мирами, описана на примерах образующих модальность языковых единиц А.П. Бабушкиным [2001: 18], который предложил следующие методы:

- 1) когнитивный анализ слов, семантика которых признается миропорождающей;
- 2) метод контекстуального анализа, который трактуется как анализ пресуппозиций;
- 3) логика здравого смысла.

Делается вывод о том, что осознать систему номинации, манифестирующую себя в качестве единственной реальности, как один из возможных миров, значит тем самым обнаружить скрытую от глаз исследователя социальную реальность.

Вторая глава диссертации «Изучение дискурса переводных текстов» посвящена проблеме создания дискурса на языке перевода и передачи лингвокультурной составляющей исходного текста.

В первом параграфе «Изучение перевода как особого рода текста» отмечается все возрастающая роль перевода в современной межкультурной коммуникации. При этом, учитывая современные требования к переводу, последний определяется как ориентированный на максимально полную передачу дискурса со всеми его составляющими, в том числе лингвокультурологической.

Отмечается, что дискурс порождается как социальный продукт и характеризуется противоборством в своих рамках двух противоположных социокультурных тенденций. С одной стороны, дискурс не может не отражать стремления к глобализации как состоянию современного общества и требует подведения всего идиознческого разнообразия под общий, понимаемый всеми знаменатель. С другой, любой текст создается представителем того или иного лингвокультурного сообщества и не может не выражать ценностные установки этого сообщества, его культуру. Процессы унификации национально-культурной специфики порождают «сопротивление материала», направленное на сохранение имеющихся этнокультурных различий. Даже процессы глобализации, обуславливающие сильнейшую интеграцию, не справляются с центробежными тенденциями, которые способствуют передаче этнокультурной специфики.

Таким образом, приходится признать не только конфронтацию дискурсов, но и их взаимовлияние и взаимопроникновение, из чего следует, что язык переводных текстов представляет собой особую «межъязыковую подсистему», «промежуточный язык», или «межъязык» как объективный лингвистический феномен, возникающий вследствие языковых контактов.

Во втором параграфе второй главы «Механизмы отражения дискурса и лингвокультурной ситуации в процессе перевода» раскрываются приемы отражения дискурса и лингвокультурологической составляющей в текстах перевода. В первую очередь устанавливаются категории (понятия, отношения, ценности и правила поведения), представляющие «лингвопереводческую культуру», которая либо является реалией, либо репрезентирует культурные концепты, либо описывает культурно-специфичные ситуации [Багринцева 2003: 80]. Перевод именно таких феноменов, имеющих ярко выраженную лингвокультурологическую составляющую, связан со множеством сложностей, поскольку вышеперечисленные категории образуются не в силу прямого соотношения их с внешним миром, а в силу соотношения с человеческим опытом как основой знания, что бывает причиной различия между системной и ситуативной семантикой в разных языках и культурах.

Культурная специфика дискурса, как уже указывалось, отражается в трех плоскостях – содержании, структуре и прагматике, и как следствие в конкретном наполнении лексическими и грамматическими формами.

1. Содержательная сторона дискурса при переводе, претендующем на адекватность, не может быть подвергнута серьезным изменениям и переработкам, несмотря на наличие лингвокультурной специфики в этом измерении текста. Насколько полно будет декодирована и воссоздана в переводе смысловая сторона оригинала в рамках определенной тематики, заданной исходным текстом, насколько тождественным оригиналу будет воздействие переводного текста на читателей, настолько по праву он будет считаться вторичным текстом, заменяющим первичный в культуре языка перевода, настолько успешным можно признать результат переводческой деятельности.

Тем не менее, ориентируясь на культурно-языковые нормы языка, на котором переводчик создает текст, им учитываются табуированные явления, которые часто передаются не прямой номинацией или опускаются, т.е. поддаются цензуре.

2. В переводе учитываются такие общие признаки структуры текстов, как: 1) различные способы маркирования начала и конца текста; 2) способы маркирования переходов между внутренними подразделениями связного текста (анафорические, семантические (типа синонимических и антонимических), референциальные (отнесение имен и описаний к объектам реального или ментального мира) отношения, функциональную перспективу (тему высказывания и то, что о ней говорится) и т.п.); 3) темпоральные связи; 4) пространственные связи; 5) логические отношения (например, причина и следствие); 6) идентификация участников дискурса; 7) различные средства выделения тех или иных элементов фокусирования на них внимания.

3. В построении дискурса регулярно участвуют специфические элементы, осложняющие процедуру перевода, не имеющие эквивалентов или аналогов в языке перевода, в том числе в лексическом, грамматическом и стилистическом планах. Из лексических средств, передающих лингвокультурологическую специфику при переводе, необходимо, во-первых, выделить клише и штампы определенного дискурса (стереотипы в номинации), особенно в текстах средств массовой информации, рассчитанных на широкую аудиторию и транслирующихся в условиях важности сжатого представления информации и воздействия на слушателя, его убеждения. Во-вторых, аксиологическую лексику, носящую оценочный характер. Нельзя не заметить и частые повторы и варьирование определенных слов и сем, которые создают стойкую картину при восприятии информации и отождествляются с определенным автоматизмом восприятия. Среди грамматических и стилистических средств языка лингвокультурологической специфики будут обладать те, которые не соответствуют языку перевода по регистру или частотности употребления, как например при переводе на русский язык широко используемые в арабском языке маркеры истинности высказывания или пласт религиозной лексики.

При отражении одних аспектов переводчик ориентируется на нормы создания дискурса на родном языке (референция, клише и др.), избегая «неестественности» создаваемого текста и подвергая исходный текст трансформациям. В других случаях механизмы отражения дискурса и лингвокультурной ситуации таковы, что иноязычный дискурс оказывает влияние на процесс создания текста перевода (интенциональность, прагматика, внутреннее тематическое структурирование, метафорические модели, новая терминология и др.). Вышесказанное позволяет сделать предположение о том, что иноязычный дискурс участвует в создании так называемого подъязыка перевода, который, являясь частью национального языка, будет обладать определенной спецификой.

В третьем параграфе второй главы «Проблема понимания дискурса переводного арабского текста русскоязычным получателем» критическому анализу подвергается межкультурная арабско-русская коммуникация, обозначаются ее проблемы (в частности лингвокультурологическая проблематика перевода), намечаются перспективы развития, также ставится вопрос восприятия и понимания перевода с арабского как текста иной культуры, в связи с чем проводится экспериментальное исследование.

Школа российской арабистики, возглавляемая академиком И.Ю. Крачковским, традиционно ориентировалась на нормы и стилистические особенности исходных текстов, выступая за необходимость видеть особенности арабской номинации и стилистики и искать пути к сохранению оттенков значения арабского слова и организации текста на арабском языке при переводе на русский.

Тексты, переведенные с арабского на русский язык в массе своей сохраняют черты арабоязычного дискурса и частично отражают арабскую культуру без трансформаций, адаптаций и пояснений того, что знакомое исключительно носителю арабской культуры либо специалисту-арабисту. Вследствие влияния арабского языка (как трансформирующего, так и интерферирующего) в

переведенных текстах передается не только дух произведения, но и особенности языка, на котором они написаны. В результате как расширяются коммуникативные возможности русского языка: растет его словарный состав, пополняется набор грамматических и синтаксических структур, изменяется сочетаемость, так и нарушаются его нормы, что сказывается на понимании переводного текста русским читателем, к которому он обращен.

С целью верифицировать гипотезу о том, что язык переводов с арабского языка имеет свои особенности и универсалии, а также предположение о том, что игнорирование или неадекватная передача социо- и культурной составляющей затрудняет понимание переведенного на русский язык текста, был проведен опрос. За его основу были взяты исследования с подобными задачами на материале различных языковых комбинаций, выполненные Дж. Миллером, Дж. Бинб-Сэнтером, К. Клауди, И. Вехмас-Лехто, Г. Тури и др. По результатам проведенного опроса с высокой точностью были безошибочно определены переводные тексты, отмечены их особенности и недостатки, что подтверждает существование подязыка перевода применительно к русско-арабской паре языков.

Третья глава представляет собой **«Лингвокультурологическое (лингвистическое и образное) описание дискурса, отражающего нестабильность на Ближнем Востоке»**, формирующегося в русском языке. В данной главе с помощью процедур семантического и лингвокогнитивного анализа в дискурсе нестабильности на Ближнем Востоке выделяются поверхностные и глубинные слои информации различного рода – от фактуально-смысловой до подтекстовой и концептуальной. Дополнительный анализ характера языкового представления образов и концептов, а также учет прагматических задач выявляют доминирующие в дискурсе нестабильности на Ближнем Востоке типы сознания, тематизмы и фреймы. В главе рассматривается также формальная организация дискурса, мотивированная его содержательной стороной: лексические единицы (термины, клише, оценочная лексика и др.), грамматические структуры (модальность, наклонение и др.), стилистические средства (метафорические модели, риторические фигуры и др.), которые позволяют судить о специфике исследуемого дискурса и степени влияния на него традиций дискурса арабоязычного.

В ходе исследования были выявлены следующие доминирующие черты русскоязычного дискурса нестабильности на Ближнем Востоке в различных измерениях текста и на различных языковых уровнях:

В рамках первого параграфа «Прагматика дискурса нестабильности на Ближнем Востоке»:

1. Проектно-ориентированный с ожиданием еще большей дестабилизации ситуации тип сознания наряду с представленными в гораздо меньшем объеме ностальгически-ориентированным недовольным и частично-удовлетворенным типами сознания;

Без этой независимости выборы просто станут еще одним шагом по пути к катастрофе.

После 27 месяцев американской оккупации Ирака надежды на то, что положение исправится, остается все меньше.

2. Тематизмы:

А) «разобщенности арабского общества в условиях нестабильности»;

Разногласия между общинами Ирака выплескиваются на улицы (заголовок)

Неофициальная реакция арабов на смерть Арафата (заголовок)

Б) как следствие этого «неспособности и несостоятельности арабского общества преодолеть кризис»;

Арабский саммит в Тунисе: создание новой арабской системы или закрепление паралича Лиги арабских стран? (заголовок)

В) «наличия внешних заинтересованных в дестабилизации сил» как главной причины нестабильности;

Большой Ближний Восток: скрытые мотивы Вашингтона (заголовок)

План по отделению арабов от Ирака остается в силе (заголовок)

Г) «ужаса происходящего, катастрофичности будущего» и др.

Ирак: выборный кошмар (заголовок)

Будущее Ирака: пирамида на зыбкой почве (заголовок)

3. Реализуемые в данных тематизмах фреймы (террористический акт; смена правительства; уклонение союзников от сотрудничества; осознание невозможности выхода из кризиса в ближайшем будущем; крах планов; игнорирование со стороны мирового сообщества и др.), представляющие стереотипы и привычные сценарии развития ситуации нестабильности в регионе;

4. Эмоциональные доминанты *тревоги, печали, пессимизма, несправедливости, недоверия* и др., которыми дискурс нестабильности на Ближнем Востоке весьма богат и которые проявляются на различных языковых уровнях, будучи выражены и опредмечены не только лексическими средствами, но и синтаксическими: семантическими инвариантами, представляющими группу синонимов, лексикой с оценочной коннотацией, а также актуализацией метафор, средствами выражения модальности, снижением стиля, повторами, параллелизмом, градацией нарастания образов, нарушением обманутого ожидания и т.д. Например:

Нами сейчас управляют страх, подозрение (доминанта тревоги, выраженная семантическими инвариантами).

Время шло, и в понедельник, к нашему изумлению, стало ясно, что вместо этого противник совершает роковую ошибку, растрачивая впустую свои силы (доминанта удивления собственным успехам, выраженная модальной конструкцией).

В рамках второго параграфа «Лексическое своеобразие дискурса нестабильности на Ближнем Востоке»:

1. Клише и термины, характерные именно для дискурса нестабильности на Ближнем Востоке, как *дорожная карта, натурализация палестинцев, формула «земля в обмен на мир», интифада, суннитский треугольник, Священный город, фатва, тактика маятника, государственный терроризм, нефтяная битва* и др.;

2. Неологизмы, подчеркивающие парадоксальность данного кризиса, как *щит-ловушка, удачливые узники, друзья-оккупанты, палестино-палестинская борьба, сверхвременное правительство, внутривосточная угроза, контрместь* и др.;

3. Стереотипы номинации сторон конфликта в регионе – одна из них рисуется как военная машина, которой свойственны бездушие и агрессивность, и тогда он прямо называется *военизированным государством, военной администрацией, пропагандистской машиной*, либо хитрость и обман, тогда используются соответствующие зоонимы (например, *лиса* как символ хитрости), в то время как номинация другой стороны строится на основе понятий братства, родственности и добрососедства;

4. Концепт нестабильности в таких его характеристиках, как опасность (*Арабским странам следует прямо сказать, что кризис в нашем регионе гораздо опаснее, например, балканского*), масштабность (*дуга нестабильности и суннитский треугольник*), длительность (*Хотя сейчас, когда США погрязли в иракской пучине ...*), искусственное нагнетание нестабильности (*План по отделению арабов от Ирака остается в силе*), динамичность (*Воистину мир может соскользнуть в состояние насилия и войны*), в ядре которого представлены универсальные культурно-исторические знания о порядке и хаосе, а в периферии оценок, образное и национальное осмысление феномена.

В третьем параграфе третьей главы «Синтаксическое своеобразие дискурса нестабильности на Ближнем Востоке» отмечаются такие стилистические приемы, как в общем нехарактерное для русского политического дискурса использование религиозной риторики (*Все это нам предстоит увидеть уже в условиях новой американской администрации, и только всеведущий Аллах знает, как будет развиваться ситуация*), повторов, тавтологий, риторических вопросов (*По какой причине погибли эти невинные люди? Где же правозащитники – арабы, мусульмане и в остальном мире, чтобы остановить эту непрекращающуюся жатву?*), средств, маркирующих истинность сказанного (*действительно, воистину* и др.) и границы возможных миров (модальные конструкции, модели метафор и др.);

В четвертом параграфе главы «Метафорические модели дискурса нестабильности на Ближнем Востоке» рассматриваются обнаруженные в изучаемом дискурсе метафорические модели с исходными сферами огня, влаги, холода, земледелия и религиозной сферы, болезни и смерти, некоторые из которых имеют новые коннотации и понятийные области. Например:

Огонь, как следует из анализа контекста словоупотреблений, связывается в основном со стихией, грозящей катастрофой, поэтому данная семантическая сфера активизируется в основном при описании самой кризисной ситуации, которой приписываются качества огня.

Ситуация опасная. Выборы могут не стать, как провозглашают американцы, шагом к демократии, а только подольют масла в огонь сепаратистских настроений.

Данной исходной семантической сферой охвачены также такие объекты, как *искра, пламя, пекло, фитиль, порох, дым, взрыв, очаг*, являющиеся частями огня, его причиной, следствием, местом, формой существования и др.:

Иначе он останется тлеющим фитилем кризиса, который постепенно охватит другие города Ирака, пока не будет достигнута цель – вывод оккупационных сил.

Эта вспышка привела к вооруженному противостоянию, искра которого зародилась еще в первые дни оккупации Багдада.

Также: очаг напряженности, пороховой погреб, ситуация накалилась, пламя может переброситься, надежды превратятся в дым, события могут приобрести взрывоопасный и разрушительный характер, накал разочарований и др.

Либо события существуют и развиваются таким же образом, как огонь. Они могут вспыхивать, накаливаться, тлеть и др.: *конфликты вспыхивают, тлеющие проблемы, палестинская проблема по-прежнему тлеет, накалившиеся современные события.*

Данная метафора используется для описания кризиса в целом и отдельных его сторон или случаев, которым приписывается взрывоопасный характер.

В пятом параграфе «Интерферирующее и трансферирующее влияние текстов перевода на русскоязычный дискурс нестабильности» делается заключение о влиянии арабского дискурса нестабильности на дискурс, создаваемый на русском языке при переводе. Первый тип влияния представляет собой неоправданный перенос форм, структур и стилистических приемов и имеет результатом употребления, несоответствующие нормам русского языка, характерные именно для переводов с арабского на русский язык и проистекающие как из системного соотношения двух языков, так и разницы узуса (как большое количество предикативных основ, частое использование притяжательных местоимений и др.). Второй тип влияния обогащает русскоязычный дискурс за счет трансференции и составляет его своеобразие (как использование некоторых метафорических моделей, пласта религиозной лексики, частых повторов, риторических вопросов и др.).

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, которые коротко сводятся к следующему:

1. Нестабильность социальной реальности является знаком, под которым проходит жизнь современного человека, и имеет свою социальную специфику, выраженную в таких характеристиках, как масштабность, глобальность, длительность, опасность и др.

2. Дискурс нестабильности отличается конкретной тематикой коммуникации и языковой подсистемой, обладающей определенными функциями, своеобразным тезаурусом, актуализацией характерных концептов, образными и риторическими средствами, а также преобладанием конкретных синтаксических структур.

3. Русскоязычный дискурс нестабильности на Ближнем Востоке, формирующийся в основном в текстах, переведенных с арабского языка, имеет ряд лингвокультурологических особенностей в структуре, семантике и прагматике текста, продиктованных традициями «берзного отношения к слову» в российской арабистике.

4. Подъязыку переводов с арабского на русский в силу объективных причин (интерференции и трансференции) присущи квантитативные и квалитативные отличия от оригинальных текстов, развивающие его коммуникативные возможности.

Основные положения и результаты исследования изложены в следующих научно-методических публикациях автора:

1. Создание русскоязычного дискурса при переводе с арабского (постановка проблемы) // Вестник РУДН. – Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – №1. – С. 32-36.

2. Предпосылки к изучению плана выражения метафоры в русском и арабском языках // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. VII Научно-практическая конференция молодых ученых. 28 апреля 2006 г. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. – 57-59.

3. Развитие оманской поэзии и ее роль в формировании арабской культуры // Проблемы и перспективы воспитания языковой культуры и формирования языковой личности молодого журналиста и филолога евразийского пространства. Труды международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2006. – С. 178-183.

4. Проблемы обучения арабоязычных студентов устному переводу в практике преподавания русского языка как иностранного // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. IX Научно-практическая конференция молодых ученых. 27 апреля 2007 г. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. – 38-41.

5. Механизмы отражения лингвокультурологической ситуации в процессе перевода // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. Научно-практическая конференция молодых ученых. 15 апреля 2009 г. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 46-50.

Ахмед Мухаммед Нассер аль-Рахби (Оман)

**Лингвокультурологический анализ русского и арабского дискурса
на тему: нестабильность на Ближнем Востоке**

Диссертация посвящена описанию многоуровневого языкового выражения актуальной категории нестабильности. В работе рассматриваются лингвистические и образные способы передачи данного смысла в текстах, отражающих кризис на Ближнем Востоке: получает описание концепт нестабильности, обнаруживаются складывающиеся в рамках дискурса типы сознания, тематизмы, сценарии, эмоциональные доминанты, анализируются стереотипы номинации и метафорические модели. Особое внимание обращается на особенности дискурса нестабильности на Ближнем Востоке как подязыка перевода.

Полученные результаты могут быть использованы в разработке теоретической базы лингвокультурологических исследований, в сопоставительной лингвистике, переводческой и журналистской практике.

Ahmed Mohammed Nasser al-Rahbi (Oman)

**Linguocultural analysis of Russian and Arabic discourse of instability
in the Middle East**

The thesis is dedicated to the description of multilevel expression of actual meaning of the instability category. The analysis of linguistic and figurative methods of this meaning expression in materials which deal with the Middle East crisis is given: the concept of instability and developing in it types of conscience, topics, scenarios, emotional dominants, stereotypes of nomination and metaphor models are described. The special attention is concentrated on peculiarities of the discourse of instability as Arabic-Russian translation.

The results can be used in development of the theoretical base for linguocultural studies, comparative linguistics, in translation and journalistic practice.

Подписано в печать: 24.09.2009

Заказ № 2581 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

